

Цзун Тинлин сверкнул глазами, в которых промелькнуло что-то недоброе. Он внезапно протянул руку, и в этом движении чувствовалась непреклонная сила: он рывком притянул Тун Цзыгэ к себе. Тун Цзыгэ ощутил мощный толчок, мгновенно потерял равновесие и оказался прямо перед Цзун Тинлином.

Не успел он опомниться, как его усадили к нему на колени.

Лицо Тун Цзыгэ вмиг стало мертвенно-бледным, а в глазах застыл ужас. Сердце словно сжала ледяная лапа — каждый удар отдавался глубоким страхом.

Цзун Тинлин, совершенно не обращая внимания на его испуг, взял лист с записанными строками и небрежно помахал им перед лицом Тун Цзыгэ. Его голос прозвучал низко и холодно, подобно порыву зимнего ветра:

— Ну же, перепиши это стихотворение.

Властность в этом тоне давила, словно тяжелая глыба, не давая Тун Цзыгэ вздохнуть. Дыхание Цзун Тинлина опаляло его ухо, но в нем не было ни капли тепла — лишь холод, от которого Тун Цзыгэ показалось, что он провалился в ледяной погреб, и тело забилося в неконтролируемой дрожи.

Тун Цзыгэ дрожащей рукой взял протянутую кисть; та казалась ему тяжелее десяти тысяч фунтов.

Чернила в тушечнице слегка колыхнулись, разлетаясь мелкими брызгами. Он изо всех сил пытался выровнять дыхание и успокоиться, но бешено колотящееся сердце выдавало его с головой.

Крепко сжимая кисть, он выводил иероглиф за иероглифом, и каждое движение было до боли скованным.

Цзун Тинлин забрал готовый лист. Его движение было естественным и непринужденным, но от этого сердце Тун Цзыгэ забилося еще быстрее.

Уголки губ Цзун Тинлина приподнялись в легкой улыбке, в которой промелькнула редкая мягкость:

— Недурно пишешь.

Голос, эхом разлетевшийся по тихой комнате, подобно камню, брошенному в спокойную гладь озера, разрушил гнетущее напряжение.

Однако для Тун Цзыгэ эти три простых слова прозвучали как раскат грома. Он не понимал, была ли это искренняя похвала или очередная уловка. Его тело еще сильнее напряглось, и он лишь запинаясь ответил:

— Ваше... Ваше Величество, вы слишком добры...

Только произнеся это, он заметил, что голос его звучит сухо и хрипло, неестественно громко в пустой комнате.

Цзун Тинлин не говоря ни слова протянул свои сильные руки и подхватил дрожащего Тун Цзыгэ.

Тун Цзыгэ почувствовал, как ноги оторвались от земли. Инстинктивно он хотел вырваться, но страх сковал его движения.

Цзун Тинлин уверенным шагом направился к ложу. Каждый его шаг отдавался в сердце Тун Цзыгэ, вызывая новые приливы ужаса.

В голове Тун Цзыгэ царил хаос: воспоминания о пережитых мучениях вспыхивали одно за другим, подобно кошмару. Его тело трясло еще сильнее, зубы непроизвольно стучали, а в глазах читались лишь отчаяние и беспомощность. Он чувствовал себя ягненком, которого ведут на заклание, готовым снова погрузиться в бесконечные страдания.

Цзун Тинлин, казалось, не замечал этого ужаса — или же ему было совершенно плевать. Подойдя к постели, он бережно опустил Тун Цзыгэ на мягкие шелковые простыни и лег следом. Роскошная ткань скользнула по коже, но не смогла унять внутреннюю тревогу. Он сжался в комок под одеялом, плотно закрыв глаза, ожидая неминуемой боли.

Однако проходила минута за минутой, а Цзун Тинлин не совершал ничего из того, чего он опасался.

Вокруг царила тишина, слышалось лишь переплетение их неровных дыханий.

Тун Цзыгэ осторожно приоткрыл глаза и украдкой взглянул на лежащего рядом Цзун Тинлина. В его глазах читались недоумение и беспокойство: он не понимал, почему тот сегодня ведет себя так странно. Эта неизвестная тишина пугала его даже больше, чем грядущие пытки.

Губы Тун Цзыгэ дрогнули, и он прошептал, едва сдерживая дрожь в голосе:

— Ваше Величество... не нужно ли вам... чтобы я послужил вам сегодня?

В этих словах сквозила такая осторожность, словно каждое из них стоило ему невероятных

сил.

Цзун Тинлин чуть приподнял уголок губ в многозначительной улыбке:

— Что? Хочешь этого?

Тун Цзыгэ будто ошпарило, он яростно замотал головой, в глазах мелькнул испуг:

— Нет... нет...

Голос звучал поспешно и сбивчиво, он невольно отодвинулся, стараясь держаться от Цзун Тинлина подальше.

Цзун Тинлин, однако, не рассердился. Он протянул руку и мягко погладил Тун Цзыгэ по голове, и это движение показалось пугающе нереальным:

— Я сегодня устал.

В его голосе слышалась утомленность. Помолчав немного, он заговорил сам с собой:

— С тех пор как в Да Ци взошел на престол Император Юнчан, он не сводит глаз с Цзинчжоу. Ситуация на границах накаляется с каждым днем, я в последнее время совсем измотан этими делами.

Тун Цзыгэ слушал, не смея вклиниться в разговор, лишь изредка бросая робкие взгляды на лицо Цзун Тинлина.

Цзун Тинлин лениво лежал рядом, слегка повернувшись и подперев голову рукой. Его глубокий взгляд был прикован к Тун Цзыгэ, в нем читалось любопытство:

— Расскажи-ка мне о себе?

Голос эхом разнесся по тихим покоям, звуча властно, но в то же время — на удивление мягко.

Тун Цзыгэ замер, в его глазах вспыхнула растерянность. Губы мелко подрагивали, он не знал, с чего начать. Перед этим человеком, возвышающимся подобно божеству, его прошлое казалось ничтожным и жалким. Он боялся разгневать Цзун Тинлина, но и ослушаться приказа не смел.

Долгое время спустя Тун Цзыгэ набрался храбрости и ответил тихим, как комариный писк, голосом:

— Ваше Величество... я... я родился в семье цензора. С самого детства отец сурово наставлял меня, учил читать и писать... — его взгляд блуждал где-то в пустоте, словно он погрузился в воспоминания. — Отец хотел, чтобы я вырос образованным и стал полезным человеком... Но я... я никогда не думал, что окажусь в этом дворце...

На этих словах голос его дрогнул, а в глазах блеснула печаль.

Цзун Тинлин слегка приподнял бровь, в его взгляде проскользнул исследовательский интерес. Он посмотрел на Тун Цзыгэ:

— А владеешь ли ты боевыми искусствами? — спросил он, и его голос нарушил тишину.

Тун Цзыгэ вздрогнул. Его лицо приняло сложное выражение, и, помолчав, он медленно произнес:

— Ваше Величество, в детстве я всей душой стремился к этому.

Его взгляд затуманился:

— Маленьким я видел воинов, упражняющихся с мечами, и завидовал им. Их статные фигуры на плацу, взмахи клинков, словно движения драконов — это зрелище завораживало меня. Я часто тайком подглядывал за ними, мечтая, что однажды и я стану таким же.

Но судьба распорядилась иначе. В юности я тяжело заболел. Тело слабело с каждым днем, с трудом удавалось даже встать с постели. Лекари долго меня выхаживали, прежде чем состояние стабилизировалось. Но та болезнь подкосила меня, сделав крайне слабым. Теперь у меня не хватает сил даже прикоснуться к оружию, трудно поднять что-либо тяжелое.

Тун Цзыгэ говорил ровным тоном, но за этим спокойствием чувствовалась затаенная горечь.

Цзун Тинлин молча слушал его, внимательно наблюдая за ним, и в его взгляде прибавилось интереса. Он хотел знать, какие испытания выпали на долю этого человека, который всегда трепещет перед ним, и что заставило его стать таким осторожным в этом дворце.

Тун Цзыгэ глубоко вздохнул и продолжил:

— С тех пор как я вошел во дворец... я живу в вечном страхе. Все здесь оказалось совсем не таким, как я представлял. Я боюсь совершить ошибку... боюсь прогневать Ваше Величество...

Он непроизвольно съежился, подобно раненому зверьку, пытаясь найти хоть кроху безопасности.

Цзун Тинлин слегка нахмурился. Он протянул руку и мягко похлопал Тун Цзыгэ по плечу. От этого жеста тот вздрогнул.

— Не бойся.

Эти слова, слетевшие с уст Цзун Тинлина, показались Тун Цзыгэ абсурдными и нелепыми. Его тело одеревенело, в глазах мелькнуло неверие, а следом — глубокая самоирония.

Тун Цзыгэ крепко сжал челюсти, закусив губу до алых следов. Он низко опустил голову, чтобы Цзун Тинлин не увидел в его глазах бурю сложных чувств: ярость, обиду и смятение, вызванное этой внезапной «нежностью».

Его руки под рукавами сжались в кулаки, ногти до боли впились в ладони — эта боль была как напоминание о том, насколько опасен человек рядом. Как он может не бояться?

Те дни и ночи, наполненные пытками, те мгновения, когда он дрожал от ужаса, бурлящим потоком всплывали в его памяти.

А теперь виновник всех его страданий утешает его двумя небрежными словами. Это казалось жестокой насмешкой, унижительной до глубины души.

Цзун Тинлин не замечал этой бури в сердце Тун Цзыгэ. Он просто машинально протянул руку и мягко притянул его к себе.

Его рука была твердой и властной, точно так же, как он привык управлять всем вокруг.

Он слегка поправил положение, прижимая их тела друг к другу, словно такая близость была чем-то самым собой разумеющимся.

Тун Цзыгэ вмиг стал недвижим, сердце его забилось в бешеном ритме, а ярость и страх сплелись воедино. Однако он не смел сопротивляться и позволил себя обнять.

Дыхание Цзун Тинлина слегка щекотало его ухо, но этот теплый воздух лишь заставил Тун Цзыгэ содрогнуться от холода. Он плотно закрыл глаза, еще сильнее стиснув зубы, а унижительные слезы, готовые хлынуть из глаз, он изо всех сил старался удержать.